

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ: А В МОСКВЕ МЕНЯ БИЛИ СТУЛОМ ПО ГОЛОВЕ...

У него нет наград от того мира, где его любят и читают. Он охотно говорит о своих "метафизических" фантазиях, уже опубликованных или еще только бродящих в его голове, чем о собственной жизни или профессорстве. Сам он считает себя реалистом, и его читатели разделяют его самооценку не без восторга. Его читатели — от удовольствия: мне пока не встречался человек, заглатывающий его тексты по обязанности, что случается с книгами признанных классиков — Толстого, Солженицына, Рыбакова.

Лев МОСКОВКИН
Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

— Современный Аксенов, автор "Острова Крым" и "Нового сладостного стиля", сильно отличается от прошлого автора "Затоваренной бочкотары" и "Апельсинов из Марокко"?

— Ну примерно как кандидат или доктор физико-технических наук от выпускника детского сада. Если вы прочтете "Новый сладостный стиль", вы увидите, что в нем много метафизики. То есть это реалистический в принципе роман. Реалистические романы писать трудно на самом деле. Но мой реализм — он сдвигается постоянно в сторону метафизики. Меня метафизика жизни интересует сама по себе. Потому что я не вполне уверен, что мы живем в единственно реальном мире.

— Реальность русских сказок — трехголовый змей. У вас симво-

лично число пять? Как мост от Пятого управления размножением диссидентов к современной российской капиталистической виртуальности — фигура Бобкова, которая тоже связана с "пятеркой"...

— А какую вещь вы имеете в виду? "Сладостный стиль"? Ну это не совсем Бобков, обобщенный тип крупного габэшника, который перешел в торговые структуры. Довольно типичный персонаж.

— Не торговые — в "Мост-банк"?

— "Акведук-банк" (смеется). И это тоже все обобщение, господа. Дело в том, что очень соблазнительно всегда узнавать в персонажах реальные лица, но это всегда ошибочное узнавание. Этот процесс можно сравнить с какой-то алхимией, когда ты в котел вливаешь свои впечатления, перемешиваешь их и потом каких-то гомункусов из этого варева

делаешь. Таков ход творческого процесса в прозе на самом деле. Впечатления накапливаются годами.

— И все же откуда эта пятеричность?

— Пятеричность? А где вы нашли связи с Бобковым? А, их пять, совершенно верно. Интересное наблюдение. И в "Ожоге" их пять — да? Там даже есть глава "Пятеро в одиночке". Это не расслоение на пять частей, а, наоборот, я бы сказал, соединение пяти в одном. Потому что у этих пяти разных персонажей одно и то же прошлое, если вы помните. Мальчик, ученик магаданской средней школы — то есть я сам, и вот эти персонажи, они соединяются в нечто. Почему их именно пять — трудно сказать, может быть, в связи с Пятикнижием Моисея? (Смеется.) Я, честно говоря, числу не придаю большой роли в данном случае. Но, скажем, четверо было бы недостаточно,

Лев Москвин. 1999. - 15-21 февр. - с. 4-6

шестеро было бы слишком много.

— Скажите, а ваше знание этой действительности — вы читали “Крутой маршрут” вашей мамы или это было изустно передано?

— Конечно-конечно. Я вот сам тоже жил в Магадане с мамой, когда мне еще не исполнилось 16 лет, мать выпустили из лагеря, и она жила как поселенка там. Она добилась для меня разрешения приехать, это было нелегко. Я приехал, и мы с ней жили в бараке. В общем, для меня это был, пожалуй, более серьезный момент жизни, чем эмиграция в Америку. Это было полное открытие другого мира, других людей. Как ни странно — свободных людей. У мамы собирались друзья — бывшие заключенные, и говорили, ничего не боясь. Им просто нечего было терять, понимаете. Они говорили о чем угодно. Это были высочайшие интеллектуальные дискуссии, я даже не подозревал, что такое существует. Все это накапливалось. До того, как мама начала писать “Крутой маршрут”, все главы этой книги были рассказаны мне устно. И потом я сам наблюдал, я жил... В частности, в “Московской саге” использован один такой момент, о котором почти ничего... по-моему, вообще ничего не писали. Когда они там сидят и дискутируют, философская такая тема, о кремации умерших — что важнее, что нужнее: захоронение или кремация? Вдруг страшный взрыв! И они видят в окне какое-то немыслимое, жуткое пламя. И им приходит в голову, что началась ядерная война, Апокалипсис начался. Они падают на колени, и один из них, брат Стасис — это католический монах из Литвы, кричит им: “Молитесь!” Оказывается, это вовсе не Апокалипсис, а просто взорвались в порту два парохода. Это было на самом деле в Магадане. Вы знали об этом? Это была страшная история. Там были десятки убитых людей, если не сотни. И это все произошло на моих глазах, я это видел. И забыл об этом. Но когда я писал магаданские сцены — я вдруг вспомнил. Потом мой отчим, в это время он находился в карантинном лагере, мне рассказал, как у них было восстание. Как блатные точили пики — а точат пики из кроватей, они вооружались, — как они вырвались, бросились грабить Магадан. В самый последний момент рота автоматчиков им преградила путь.

— Расскажите немного о цели вашего приезда, о вашей роли в “Триумфе”.

— В “Триумфе” я уже семь лет состою членом жюри и семь лет со скрежетом отдаю огромные суммы

денег другим. Шутка. Никто из членов жюри не может получать призов там. Мы можем только давать призы. И в общем, по-моему, это очень благодарная такая инициатива. Начинать ее в 1992 году, когда, вы помните, было гораздо хуже, чем сейчас. Получить для писателя или художника 10 тысяч долларов — тогда это было просто сомнением на самом деле. Сейчас это уже большая премия — 50 тысяч каждый получает, и она стала престижной. И я рад, что имею к этому отношение. Кроме всего прочего они оплачивают мой билет до Вашингтона в Москву и обратно. Это существенно.

— Наши текущие события не навешивают вас на новый роман — всплески публичного антисемитизма, центробежные процессы, предсказанные Стругацкими? 91-й год вы описали удивительно удачно.

— Да, я думаю, что все это будет присутствовать в новой книге. Для меня эта книга — прощание с XX веком, с моим временем. С нашим временем, нашим общим, особенно моего поколения, родившегося в 30-х и прожившего свою жизнь в общем в течение XX века. То, что мы дожили до крушения тоталитарного общества, это, конечно, грандиозное событие, незабываемое событие, чрезвычайно важное. Но кроме этого я боюсь, что мы присутствуем при начале — не при начале, а при довольно бурном развитии — дезинтеграции бывшего Советского Союза. Исторически территория России увеличивалась в течение веков на 64 квадратные версты в день. И Витте предложил сокращаться уже тогда — он опасался, что мы можем под тяжестью этого гигантского тудовища рухнуть. Но ему не вняли, впрочем не начали сокращаться. Потом первый момент развала, вызванный революцией. Потом революция все собрала опять, и сейчас идет очень неприятный процесс, очень тревожный процесс местного сепаратизма. Уже даже не на этнической основе, уже на чисто региональной основе. Очень неприятный процесс, и надо быть очень осторожным и очень продуманно себя вести, потому что он, возможно, неизбежен, и я не удивлюсь, если лет через сто мы с вами все увидим, что Россия стала несколько. Их уже вообще несколько на самом деле. Но главное — сохранить единую культуру, что очень важно. Даже, может быть, не государственную цельность, а единое культурное пространство и цивилизацию российскую.

— Как вам удается столь остро чувствовать происходящее здесь?

— Издалека вообще все это обо-

стрется, кстати говоря. И обострится, надо сказать, странным несколько образом. Я бываю в России по меньшей мере два раза в год, и надоело, в летнее время это два-три месяца. Я езжу по стране, дважды пересек на пароходе по Волге провинцию. И когда я здесь живу, я не вижу ничего особенного в принципе. Жизнь как жизнь. Не каждый же день стреляют на улицах. Все нормально, ничего особенного. Ну есть бедные, есть богатые, есть такие, есть сякие. Все как-то идет, ничего, all right. Когда живешь за океаном и все это концентрируется в прессе или в рассказах, в разговорах эмигрантов, то возникает некое ужасающее волнение — как я еще раз туда поеду? Вот сейчас я ехал и мне говорили: “Вы что, с ума сошли? Там же вот-вот коммунисты власть захватят!” (Смеется.)

— В Америке сейчас интерес к вашим романам больше или меньше?

— Меньше, меньше.

— А вообще интерес в Америке к русской современной литературе как, меняется?

— Уменьшился сильно. Я думаю, пик был с романом Рыбакова “Дети Арбата”. Он очень точно попал в правильное место, в правильное время. Русский роман в списке бестселлеров — это чудо, увидеть русский роман в списке бестселлеров.

— Вы не попадали?

— “В поисках грустного баби” был в списке бестселлеров, но только в вашингтонской зоне, и ненадолго.

— Вы хотите быть интересным тому поколению, которое сейчас читает Виктора Пелевина? Считаете ли, что писатель должен нравиться и следующему поколению?

— Вообще-то совершенно необязательно — в моем случае. Я специально не стремлюсь к этому. Я прежде всего стремлюсь понравиться самому себе, как писатель быть удовлетворенным результатом своих работ. Но если это совпадает с интересом нынешнего поколения, я, конечно, очень бываю вдохновлен и взволнован. Вот, в частности, человек, который меня здесь представил, Игорь Сид — это молодой поэт и лидер определенной группы, авангардистской такой. Я вижу интерес с их стороны, и меня это очень вдохновляет.

— Василий Павлович, вам удалось повидаться в последнее время с Анатолием Рыбаковым? Как вы узнали о его смерти?

— Я узнал об этом случайно, через несколько дней после того как произошло. Мы редко вообще встречались. Там, в Америке, очень редко

встречаются. Потому что он жил в Нью-Йорке, а я в Вашингтоне. Но вообще мы были довольно близки с ним. Я помню, когда я первый раз вернулся из ссылки в конце 89-го года, они жили в Переделкине и устроили для меня ужин. Я понял, что мы люди одного круга единомышленников. Я вообще им восхищался. Он являл собой пример такой четкой позиции. Когда первый раз мы встретились, в начале шестидесятых годов, у нашего поколения была такая вполне понятная осторожность по отношению к этим сталинским лауреатам. Кстати говоря, потом я как-то открыл альманах “Литературная Москва” 56-го года — это была первая попытка преодоления цензуры на самом деле, литературная — и посчитал: среди участников было 27 лауреатов Сталинской премии. То есть они были уже бунтовщиками, как ни странно. Видимо, сама специфика литературного труда рождает такого бунтаря. Волей-неволей — несмотря на то что эти люди были классиками соцреализма, на самом деле они были глубоко неудовлетворены всей этой ситуацией. А что касается Рыбакова, я его звал Толя, несмотря на большую разницу в возрасте. Мы были приятелями, и шаг за шагом я выяснял, что этот человек полностью разделяет мои взгляды на окружающую действительность. И он, кстати, видимо, тоже эволюционировал. Потому что он мог бы в принципе жить безбедно, будучи лауреатом Сталинской премии, признанным писателем литературного истеблишмента. А он стал ставить перед собой какие-то нравственные рубежи. В частности, вот роман “Тяжелый песок”. Я помню, как он мне сказал: “Если они не напечатает этот роман, я тогда уйду от них”. То есть решил зашпиговать вкрутую, как говорится. Тогда нашли компромисс, и он напечатал этот роман, с купюрами, но тем не менее напечатал. Следующий рубеж был “Дети Арбата”. Для него был тоже главный такой бакен впереди — достичь, напечатать в конце концов, чего бы это ни стоило. И он тянул бесконечные какие-то переговоры, посылал эту рукопись в ЦК КПСС. Его отвергли. И тут, к счастью, началась перестройка. Так что все это кончилось счастливо, он узнал огромный успех и здесь, и на Западе. И в общем, он стал заслуженным одним из самых важных писателей страны.

— Люди, которые здесь составляли одну среду, оказавшись на Западе, почему-то развелись. Сейчас, когда вы сказали, что редко встречались с Рыбаковым — а это четыре часа на машине, — почему эмиграция разъединяет лю-

дей, когда легче, может быть, психологически?

— Все-таки, знаете, расстояния играют огромную роль. В восьмидесятые годы центрами эмиграции были Париж, Нью-Йорк и Израиль. Это огромные расстояния.

— Я имею в виду в одной стране.

— В одной стране... Все равно, ну нет среды такой, не возникает необходимости. Вчера, например, мы ночью сидели — совершенно случайно соединялась компания, никто никого не ждал. Просто открывалась дверь в клубе, появлялась одна компания, другая, третья, все садилось вокруг стола. Это мне напомнило атмосферу шестидесятых годов. Вот это и есть среда. У нас такой среды не было. Мы были на огромном расстоянии друг от друга. В изданиях, которые там были, постоянно шла полемика. Если кто-то плевал кому-то в лицо, то плевков плыл несколько месяцев. За несколько месяцев, пока он там плывет от журнала "22" до журнала "Континент" или, там, "Время и мы", проходило очень много времени. Иногда возникало подобие необходимой среды. В частности, в 81-м году была конференция третьей волны в Лос-Анджелесе. Ну, там, все съехались, все сидели вместе, на сцене. Нас было восемнадцать писателей, большая аудитория. Вот возникала такая имитация московской атмосферы. Но создать ее очень трудно. Уже начиналась борьба самолюбий, начинались разоблачения. Разоблачения, связанные с прошлой жизнью. И в общем, все это довольно сложно. Скажем, лидером эмигрантской литературы в восьмидесятые годы считался одно время Владимир Максимов. Он был естественным лидером, потому что он был главным редактором "Континента". "Континента" как единственного журнала, который платил приличные гонорары. И все хотели там печататься... Кстати говоря, великолепный журнал. Он печатал своих врагов, но он был человек ужасно нетерпимый. С другой стороны, другой лидер эмиграции — Синавский, особенно его супруга Марья Васильевна — это другой центр борьбы за влияние, борьбы за свою точку зрения.

— Ваше положение относительно этого конфликта?

— Я просто старался держаться подальше. Я сразу вошел в университетскую среду, и я в общем относился к ним так — с одного края. Моя жизнь шла в университете.

— Занимались созданием культурной среды?

— Это не создается, к сожалению.

Это создается в ходе культурной истории, с традицией, и так далее. Тот же Дом литераторов, московский, при всем его безобразии он был все-таки центром, где люди сталкивались, встречались, ругались, иногда дрались. Стульями даже. В частности, ваш покорный слуга получил однажды удар стулом (смеется).

— От кого?

— От одного поэта (смеется). Это все и составляет литературную жизнь. Там литературной жизни по сути дела не было — когда мы приехали в Нью-Йорк, там были группы авангардных концептуалистов. Они, конечно, враждовали друг с другом, но тем не менее они создавали видимость жизни. В частности, я помню, в 82-м году осенью в клубе "Чичин" были похороны Брежнева. Он еще был жив. И мы туда пришли, на сцене стоял гроб конструкции Малевича. Вы знаете, что Малевич себе сконструировал гроб? И человек, голый по пояс, в резиновой брежневской маске пел какую-то дикуя якутскую песню и так ходил по этой сцене, завывая, и все смотрели. Верьте не верьте — но это проходило именно, учитывая разницу во времени, в часы агонии генсека. Они не знали об этом, но потом говорили: наверняка это наша заслуга. Или вина. У них были враги, тоже концептуалисты. Они им змеи ядовитых подкалывали под двери. В общем, была такая веселая довольно тусовка. Но потом они все постепенно распались, потому что люди начинали интегрироваться в местную жизнь. Сейчас ведь Нью-Йорк переживает русский расцвет — колоссальное количество русских. Это уже не эмигранты, а просто живущие там молодые русские. Огромное количество изданий, вечерних изданий, еженедельники. Постоянные тусовки. Я не участвую в них, я вдалеке, но я о них знаю. Какие-то дискотеки, клубы джазовые. Курехинский фестиваль там тоже проходил недавно.

— Россия — страна, где кумиры всегда были, и вы безусловно являетесь здесь кумиром для очень многих людей. Америка — это страна поликумирная, там каждый сам себе кумир, там нет понятия идола. У вас не возникало чувства неудовлетворенности, что трудно на этом человеческом пространстве стать кумиром?

— Я к этому привык. Там, кстати, очень трудно закрепиться как знаменитость. У меня масса публикаций. У меня, по-моему, гораздо больше критики, чем у любого американского писателя. Но это не зацепляется за соз-

дание публики. Они вообще не очень любят иностранно звучащие имена. Когда я переехал два года назад в новый жилой район возле университета, как раз в это время обо мне вышла статья в "Washington Post" — был огромный портрет во всю страницу, — и статья большая. Соседи узнали и стали говорить: "О, у нас тут поселилась знаменитость". А сейчас абсолютно все забыли. Для того чтобы там стать популярным человеком, надо без конца мелькать, без конца напоминать о себе.

— Сейчас вы не преподаете?

— Я в какой-то степени начинаю даже скучать, когда долго не преподаю. Скучаю по кампусу, по студентам. С удовольствием туда возвращаюсь. Потом через неделю, через две я думаю — на кой черт опять впрягаться в эту лямку, надо куда-то в конце концов уехать, осесть где-то, работать сторожем и писать, писать, писать.

— Что вы преподаете?

— У меня два курса. Один курс называется "Мифы и утопия". Это модернизм и авангард в русском обществе, утопические концепции. Там не только литература, там и философские тексты, и слайды живописи, история авангарда. Это для ребят, не продвинутых еще, так называемых

undergraduates. Они из разных приходят областей, среди них есть компьютерщики, биологи и прочие, прочие, прочие. Им надо получить гуманитарные баллы, и они записываются по своему желанию, выбирают. Очень многие ко мне приходят, и они получают какую-то информацию, совершенно ошеломляющую их. Они никогда не знали, что это существует, что в России был некий серебряный век, что в России такое развитие авангарда было. А второй класс у меня для продвинутых студентов — будущих писателей. Наполовину мастер-класс, наполовину образовательный. Там я сейчас читаю курс "Два столетия русского романа".

На том наше интервью закончилось, хотя еще очень хотелось спросить про кошку Матрешу и маленького Пушкина с большим характером, тибетского спаниеля — "главу семьи" и про саму семью, про личные впечатления от премированных "триумфаторов", мнения о которых неоднозначны... Как всегда, того, кому явно что-то одно удастся, поклонники пытаются с другой стороны. И я решил этого не делать.

МАТРАСЫ И ПОДСТАВКИ (КРОВАТЬ) КОМПАНИИ «Lordflex's», ИТАЛИЯ

1. **MARIANA'S** — ортопедический матрас, предохраняет и способствует лечению от различных костно-мышечных болезней, снимает напряжение от дневной нагрузки, нормализует и восстанавливает организм во время здорового сна, обеспечивает правильное развитие позвоночника — **основу гордой осанки, красивой походки**. **MARIANA'S** рекомендуется при радикулитах, остеохондрозах, сколиозах, лордозе, артрозах и артритах. Имеет зимнюю и летнюю стороны, легко транспортируется: зимой в квартире, летом на даче.
2. **RETE-DIVA** — ортопедическая подставка с овальными рейками из бука. Рекомендуется использовать для полного раскрытия возможностей матраса. Конструкция работает следующим образом: вес человека создает определенное давление на матрас, которое, соответственно, передается на конструкцию подставки. При этом на каждую овальную букую рейку приходится определенная часть этого давления, пластинка пропорционально изгибается, создавая дифференцированное противодействие, которое разгружает позвоночник и расслабляет мышцы.

Также имеются в продаже еще 3 вида матрасов. Среди них:

- **УНИВЕРСАЛЬНЫЙ** матрас **NATURISTA** — полностью из натуральных компонентов (каучук, конский волос, кокосовые волокна, морские травы), обеспечивает полную 100% поддержку тела.
 - **САМОПОДСТРАИВАЮЩИЙСЯ** матрас **COVER** — с автономными локализованными пружинами и многослойной системой прокладок.
- Матрасы **NATURISTA** и **COVER** имеют съемный чехол, набитый с одной стороны шотландской шерстью, с другой — египетским хлопком.

• Классические пружинные матрасы средней, высокой и очень высокой упругости.

Поставки матрасов и подставок осуществляются со склада в Москве. Тел.: 205-49-19, 255-96-97, 205-49-28, 205-49-15.